

Лили Поттер всегда знала, что ее сын — особенный. С тех пор, как она носила его в себе девять месяцев, храня секрет от Джеймса, ощущая, как он шевелится и крепнет от энергии ее собственного тела, Лили чувствовала типичные признаки магической энергии, протекающей через него. Но, неведомо никому, кроме немногих, она чувствовала и нечто большее. Можно было назвать это материнским инстинктом или той незримой связью, что существует между будущей матерью и ее будущим ребенком. Лили всегда чувствовала великую магию, дремлющую в ее малыше. Обычные случайные вспышки магии, случающиеся, когда эмоции Лили были взбудоражены гормонами или стрессом, обычно приводили к странным, необъяснимым событиям. Но здесь было нечто большее. Например, на пятом месяце беременности Лили запланировала пикник в честь годовщины свадьбы Джеймса, но попала в ужасную грозу, которая заставила ее отменить планы. Гроза, словно по волшебству, превратилась в то, что в маггловских новостях называли странной мартовской метелью. Лили и Джеймс оказались на белоснежной пустоши в лесу, окружающем Поттер-Мэнор. У них все еще была возможность устроить пикник, но что-то в этой ветреной обстановке делало его еще лучше. По странному совпадению, прямо перед тем, как погода приняла свой забавный оборот, Лили почувствовала прикосновение магии к своему животу, где мирно спал ее будущий сын. — Джеймс, — поделилась она, — я уверена, что это был наш малыш, который устроил эту метель. Джеймс рассмеялся, похвалил своего малыша за креативность и поцеловал Лили в живот в знак благодарности за добрый поступок своего ребенка. Однако настроение омрачилось, когда Лили, понимая, что не может больше лгать мужу, открыла ему тайну, которую скрывала от него: ее будущий сын — не его, а сын более могущественного колдуна, который был другом и утешением для Лили, когда несколько месяцев назад у них с Джеймсом были тяжелые времена. Хотя Джеймсу потребовалось четыре дня, чтобы прийти в себя, он понял, что она сделала это не из мести ему, а из желания утешить дружеское лицо, которому Лили также сказала, что не знает, что носит их сына. В обмен на прощение и согласие воспитывать мальчика и любить его как родного, Джеймс сказал Лили, что, когда их сын родится, он хочет пройти через процесс превращения его в Поттера посредством кровного усыновления и вливания древней семейной магии, которую Джеймс нес в своей крови. Благодаря магии крови домов Поттеров и Певерелл, а также той магии, которой, по словам Лили, обладал настоящий отец их сына, Джеймс без труда согласился с женой, что их ребенок будет действительно могущественным волшебником. Еще одно странное событие произошло, когда Лили за месяц до рождения сына заболела гипертермией, которая приковала ее к постели, оставив ее наедине с будущим сыном. В то время как у нее резко поднялась температура, и целители надеялись и молились, чтобы это не повредило ребенку — не говоря уже о том, что Лили тоже молилась, — произошло самое странное. Лили, покрытая испариной, вдруг обнаружила, что её тело посылает магией, и в течение семи минут всё её тело вдруг стало более прохладным, здоровым и сильным. Целители были в недоумении, но Лили, Джеймс, Сириус и их близкие друзья знали правду: будущий наследник в очередной раз почувствовал боль и дискомфорт своей мамы, каким-то образом подключился к магии внутри себя и своей матери и исцелил ее недуг. По мнению целителей, для ребенка, происходящего из такой древней и могущественной семьи, как Джеймс Поттер, не было ничего необычного в том, что он обладает такими способностями к магии. Но, с другой стороны, было необычно, что он способен совершать такие подвиги, находясь еще в утробе матери. Многие целители хотели провести различные тесты с ребенком, но Лили и Джеймс сразу же отвергли эту идею. Они не хотели рисковать тем, что кто-то узнает правду о ребенке до того, как Джеймс пройдет ритуалы усыновления и инвестирования. Желая помочь им узнать больше о невероятном магическом потенциале, которым будет обладать их сын, Лили предложила Джеймсу рассмотреть возможность связать ядро ребенка, пока он не станет достаточно взрослым, чтобы понять свою огромную силу. Но Джеймс отверг эту идею, предупредив Лили, что в результате такого действия их сын может стать сквибом. А после того, что она рассказала ему об отце ребенка, он не хотел рисковать. Второй вариант — доверить секреты этих странных мистических действий, а также правду о

зачатии ребенка тому, кто сам знал, каково это — обладать столь великой силой. Альбус Дамблдор, директор Хогвартса, главный маг Визенгамота, Верховный магвамп МКВ и тот, о ком каждая стоящая палочки ведьма и волшебник знали, что он сам обладает невероятным уровнем магии. Конечно, только Джеймс знал, что отчасти является причиной того, что Дамблдор обладает такой силой: палочка в его руке, которая была украдена у законного владельца более века назад и находилась в руках Тёмного Лорда Гриндельвальда до той ночи, когда Дамблдор завладел ею по праву победителя, победив Гриндельвальда, тем самым передав право собственности на палочку ему. Эта палочка, Старшая палочка, была одной третьей частью троицы магических предметов, которые, по преданию, наделяли своего носителя почти божественной силой, если их соединить вместе, создав мантию, печально известную как "Мастер смерти". Мантия должна была быть передана наследникам Певерелла современной эпохи, из которых Джеймс знал только одного, еще живого: Сам Джеймс. Разумеется, как только ритуалы будут завершены и наследник получит фамилию Поттер и права Певерелла, он станет новым наследником со всеми дарованными ему силами и способностями, включая право стать Мастером Смерти. Поэтому Джеймс согласился поговорить с Дамблдором о помощи их ребенку, но при одном условии. Об этом он должен был рассказать в тот вечер, когда они встретятся со стариком. — Альбус, ты как раз вовремя, — сказал Джеймс, встречая Дамблдора у камина. — Лили только что приготовила чай. — Спасибо, Джеймс, — сказал Альбус Дамблдор, проходя через камин и выходя в гостиную Поттер-Мэнора. Различные оттенки красного и золотого, украшавшие стены, а также магический портрет льва, сидящего на скале, висевший над камином, подчёркивали гриффиндорские наклонности владельца и хозяина дома, прошлое, настоящее и будущее. Выйдя из камина, Дамблдор ласково улыбнулся своему бывшему старосте и спросил: — Итак, что, позвольте спросить, было настолько важным, что вы попросили меня встретиться с вами здесь, а не в школе или в каком-нибудь более публичном месте? — И почему вы попросили меня прийти так поздно вечером? — Джеймс, обычно такой беззаботный, выглядел встревоженным. — В школе я всегда мог положиться на тебя, что бы ты ни сказал, ни сделал. Если я открою тебе все, могу ли я быть уверен, что ты сохранишь тайну, что она станет семейным секретом Поттеров? — он сделал паузу, его голос стал напряженным, — Это значит, что о ней будут знать только ты, я, Лили и те, кому мы доверяем. — Конечно, — кивнул Альбус, любопытство искрилось в его глазах. — Джеймс, я никогда не видел тебя таким сосредоточенным. Все ли в порядке, мой мальчик? — Одну минутку, — Джеймс перевел дыхание, — Лили, ты там закончила? К его ужасу, из-за двери, где Лили готовила угощение, донеслась тишина. Под пристальным взглядом Дамблдора Джеймс медленно направился к кухне. У двери его сердце замерло от шока, а затем раздался болезненный вздох. — Лили-петалл, ты в порядке? — Джеймс сжал ручку двери, его голос дрожал. В ответ — только прерывистое дыхание. Страх сменился шоком, когда Лили, едва слышно, прошептала: — Джей-Джей, у меня только что отошли воды! Глаза Альбуса расширились от неожиданности. Улыбка Джеймса, сияющая и яркая, могла бы осветить весь Хогвартс.